

Идеальное в эпоху торжествующего мещанства Историко-культурный контекст и актуальность философии Эвальда Ильенкова К 100-летию юбилею философа

РУСТЕМ ВАХИТОВ

Уфимский университет науки и технологий (УУНиТ);

Уфимский государственный нефтяной технический университет (УГНТУ),

Россия, rust_r_vahitov@mail.ru.

Ключевые слова: Эвальд Ильенков; философия; марксизм; идеальное; Истина; классика; Михаил Лифшиц; советская цивилизация; оттепель; застой; софистика; мещанство.

Статья посвящена философии Эвальда Ильенкова, ее историко-культурному контексту и ее актуальности в наши дни. Ильенков известен своеобразным решением проблемы идеального в рамках марксизма. Концепция идеального — центр его философского учения, из нее он выводил свои педагогические, психологические, эстетические теории. В советские времена концепция идеального у Ильенкова вызвала дискуссию, в рамках которой против философа и его школы выступил Давид Дубровский, отстаивавший «субъективность идеального». На наш взгляд, этот спор отражал противостояние двух систем ценностей в советской цивилизации, одна из которых господствовала в эпоху оттепели, другая — в эпоху застоя.

Оттепель была амбивалентной: наряду с элементами либерального марксизма, из которого потом выросла перестройка, в ней присутствовала традиция, уходящая через Ленина к классической культуре. Застой означал победу мещанства, идеологии черного рынка, торгашества, цинизма, разочарования в идеалах под покровом лицемерного признания догматического официоза. Это коррелировало с позитивистским отрицанием универсальной Истины, утверждением релятивизма, «субъективности идеального». Длинная тень застоя в виде ценностного релятивизма и цинизма лежит и на современной постсоветской периферийно-капиталистической российской культуре, и потому ильенковская философия идеального не теряет актуальности.

Чем актуален юбилей Ильенкова?

В 2024 ГОДУ исполняется сто лет со дня рождения философа Эвальда Ильенкова (1924–1979). Этот юбилей уже отмечается в российском интеллектуальном сообществе — философами, психологами, педагогами, не говоря уже о представителях левых организаций, партий, движений и изданий. Причины очевидны: Ильенков, безусловно, выдающийся представитель советской марксистской традиции. Он явно выделялся на фоне массы современных ему официозных марксистов-догматиков: оригинальный мыслитель, умевший творчески подойти к марксизму и развить его. Даже сегодня, через полвека после смерти Ильенкова, его идеи продолжают влиять на умы. Существует его школа, защищаются диссертации и выходят работы о его творчестве, его труды переводят на иностранные языки, их читают и комментируют ученые из разных стран мира — от Японии до США.

Однако мы не должны видеть в юбилее Ильенкова только «школьное» и академическое мероприятие. Борис Кагарлицкий¹, несомненно, прав в том, что

...любой юбилей, любая годовщина — это повод поразмышлять о событии, достойном того, чтобы о нем думали и говорили даже и без такого повода².

Ильенков интересен, важен, актуален для нас всех, кто живет уже в другом столетии, в несколько иной стране и не обязательно придерживается марксизма, тем более в его советской версии. Ведь вопросы и вызовы его времени никуда не исчезли, хотя, конечно, теперь они формулируются на языке других теорий и концепций. Тем не менее в условиях другого политико-экономического режима, в рамках других идеологий мы во многом продолжаем доду-

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 24-18-00130.

1. Признан иностранным агентом, внесен Росфинмониторингом в перечень террористов и экстремистов.
2. Кагарлицкий Б. Ю. Загадка советского сфинкса // СССР: жизнь после смерти. М.: ИД ВШЭ, 2012. С. 9.

мывать те же мысли и заканчивать решать те проблемы, которые волновали поколение наших отцов и дедов, живших в позднем, застойном СССР.

Об этом — моя статья.

Ильенков — философ идеального

При упоминании Ильенкова сразу же вспоминают его концепцию идеального. Конечно, он создал не только теорию социального идеального, он предложил фундированную в материалистическом понимании истории концепцию мышления, а также до сих пор мало известную, почти не понятую концепцию личности, новый взгляд на обучение в школе, реабилитацию слепоглухих детей-инвалидов и многое другое. Но трудно спорить с тем, что идеальное — это тот центр, вокруг которого кружатся все остальные учения «планетной системы» философии Ильенкова.

Будучи еще аспирантом философского факультета МГУ, Ильенков вместе со своим другом Валентином Коровиковым стал разрабатывать альтернативное догматически-диалектовскому понимание философии, едва намеченное у Фридриха Энгельса. Суть его была в том, что философия — это не «наука о мире в целом», возвышающаяся над «частными науками» и обобщающая их достижения, а самостоятельная дисциплина с собственным предметом. Ильенков и Коровиков писали:

Философия и есть наука о научном мышлении, о его законах и формах, причем, конечно, материалистическая наука, рассматривающая формы и законы мышления как аналогии соответствующих объективных всеобщих форм развития объективной действительности³.

Эту точку зрения философ отстаивал всю жизнь. Однако при этом сразу возникает вопрос: «Что такое мышление?» Насаждаемый государством официозный догматический марксизм трактовал мышление в духе французского материализма XVIII века — как функцию головного мозга человека. «Мышление есть продукт материи, достигшей в своем развитии высокой степени

3. Ильенков Э.В., Коровиков В.И. Тезисы к вопросу о взаимосвязи философии и знаний о природе и обществе в процессе их исторического развития // Русофил. 27.12.2016. URL: <https://russophile.ru/2016/12/27/тезисы-к-вопросу-о-взаимосвязи-философ/>.

совершенства, а именно продукт мозга»⁴, — гласила философская глава «Краткого курса истории ВКП(б)», по которой изучали философию во всех вузах и ссузах Советского Союза. При всем антисталинизме прогрессивных, молодых философов-шестидесятников в трактовке мышления некоторые из них недалеко ушли от Сталина и его «верного последователя», советского «генерала от философии» Марка Митина. Так, Давид Дубровский — известный оппонент Ильенкова — придерживался «нейродинамической интерпретации психических явлений», куда он включал также и мышление. В своей книге «Психические явления и мозг» он искренне и эмоционально обижался за то, что ему приписывают вульгарно-материалистическую трактовку мышления, ведь он не утверждал-де, что мысль материальна, а просто указывал, что есть связь между идеальным понятием «дерево» в сознании и «материальным, нейродинамическим процессом в мозге человека», видящего перед собой материальное дерево⁵. Но при этом Дубровский оспаривал утверждение Ильенкова, что различие философских идей Аристотеля и Демокрита нельзя свести к анатомическим отличиям их «органов мышления». Он педантично доказывал, что мозг каждого человека индивидуален. Однако здесь и проявляется вульгарно-материалистическая тенденция концепции Дубровского. Коль скоро Аристотель учил о космическом уме, а не об атомах, потому что так был устроен его индивидуальный, материальный мозг, то, выходит, мышление все-таки сводится в конечном счете к процессам в мозге.

Ильенков иронично отвечает на эти рассуждения Дубровского:

Что нашему автору до того, что философия, как особая наука, разрабатывала и разработала категорию «идеального» именно в связи с проблемой истинности и что только в этой связи ее определения идеального и материального вообще имели и имеют смысл? Что ему до того, что эти определения философия разработала в качестве теоретического выражения совсем других фактов, нежели тех, которые персонально интересуют Дубровского как специалиста по «церебральным структурам» и «нейродинамическим процессам»?⁶

4. Сталин И. В. О диалектическом и историческом материализме // Соч.: В 18 т. Т. 14. М.: Писатель, 1997. С. 253–282.

5. Дубровский Д. И. Психические явления и мозг. М.: Наука, 1971. Гл. I. § 3.

6. Ильенков Э. В. Диалектика идеального // Он же. Собр. соч. Т. 5. М.: Канон+, 2021. С. 20.

Действительно, Ильенков достаточно хорошо знал классическую философскую традицию, чтобы понимать, что мышление не просто идеально (это понимали и Дубровский сотоварищи, хотя при этом они все равно то и дело сбивались на «материализм Бюхнера»), но и что это идеальное вполне объективно, представляя собой особый мир универсальных, всеобщих форм. Ведь еще Гегель писал в «Малой логике», что даже в таком простом утверждении, как «Этот лист зеленый», казалось бы, просто взятом из нашего чувственного опыта, уже присутствуют всеобщие, универсальные понятия — категории бытия и единичности (Гегель писал по-немецки и имел в виду, что между словами «лист» и «зеленый» стоит глагол *ist*, опускаемый при переводе на русский, что указывает и на бытийствование, и на единственное число)⁷. А ведь Ильенков в самой первой своей книге о диалектике в «Капитале» Маркса высмеивает эмпирика Локка, убежденного, что все понятия сводимы к опыту. Только животные воспринимают мир лишь своими двумя глазами, то есть опираясь на свой индивидуальный чувственный опыт, утверждает советский философ. Человек же наделен способностью видеть мир миллионами глаз других людей, чьи знания аккумулированы в культуре человечества. Каждый человек, таким образом, оперирует категориями, не сводимыми к его собственному, индивидуальному опыту, отражающими «миллионы раз повторенную и отраженную в сознании человеческую деятельность», как сказал об этом Ленин⁸.

Эти категории мышления, а также математические истины, нравственные императивы и т.п. и составляют мир идеального, мир духовной культуры, без приобщения к которому человек не мог бы мыслить в полноценном смысле этого слова, ибо тогда его «мышление» представляло бы из себя не оперирование понятиями, а мелькание субъективных чувственных образов, увязанных между собой лишь воспоминаниями. Именно так «мыслят» высшие животные — лисы, медведи, кошки, собаки. Лейбниц однажды в шутку, но совершенно правильно сказал, что животные — прирожденные эмпирики⁹. Отсюда следует, между про-

7. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1: Наука логики. М.: Мысль, 1974. С. 87.

8. Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М.: Издательство АН СССР, 1960. С. 18.

9. Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии // Он же. Соч.: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1983. С. 50.

чим, что если бы философы эмпирической школы постарались сами следовать канонам своей философии, то они не смогли бы написать ни одной философской книги, как не пишут их медведи и рыси. Это, строго говоря, касается и оппонентов Ильенкова. Ведь из индивидуального опыта нельзя вывести понятия «мышление», «сознание», «идеальное», «субъективное», которыми они оперировали в своих статьях и книгах — их нет в субъективном чувственном опыте, так как мы видим не «сознание», а голову человека, и не «идеальное», а кривые на экране прибора, фиксирующие работу мозга. Это всё всеобщие, универсальные, объективные формы знания, что и пытался донести до своих противников Ильенков. Увы, безрезультатно.

Итак, развивая мысль о философии как о науке о мышлении, Ильенков пришел к выводу, что идеалисты вовсе не заблуждались, постулируя особый мир идеального. Этот мир, безусловно, существует независимо от каждого из нас, хотя и не так, как существует стол или стена. Он и был открыт еще в древности философом-идеалистом Платоном. Ильенков писал:

... Платон... поставил перед человечеством реальную и очень нелегкую проблему — проблему «природы» этих своеобразных явлений, проблему мира «идей», идеального мира¹⁰.

И тысячелетиями эти явления изучали представители идеалистической, классической традиции в философии. Этот аспект, признает Ильенков, до Маркса «...развивался преимущественно, по выражению Ленина, „умным“ идеализмом, — линией Платона — Фихте — Гегеля...»¹¹

Материализм, по Ильенкову, состоит не в том, чтоб отрицать бытие идеального мира (человек, который так поступает, не только не решил проблему идеального, но даже не дорос до ее понимания), а в том, чтобы объяснить его существование, но не так, как это получалось у идеалистов и религиозных философов, а по-другому — «не прибегая к гипотезе Бога» и «первичности духа».

Ильенков пытался найти истоки идеального в труде, в общественно-исторической практике. Общеизвестно его определение идеального из ставшей уже классикой статьи «Диалектика идеального»:

10. Ильенков Э. В. Диалектика идеального. С. 22.

11. Он же. Идеальное // Философская энциклопедия / Под ред. Ф. В. Константинова. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1962. С. 219–227.

Вот это-то отношение представления (отношение репрезентации — отражение в диалектико-материалистическом смысле), отношение, в составе которого одна чувственно-воспринимаемая вещь, оставаясь самой собою, исполняет роль или функцию представителя совсем другой вещи, а еще точнее — всеобщей природы этой другой вещи, то есть чего-то «другого», чувственно-телесно вовсе на нее не похожего, и тем самым обретает новый план существования, — вот это-то отношение и обрело в гегелевской терминологической традиции титул «идеальности»¹².

Идеальное, по Ильенкову, возникает в процессе преобразования предметов «первой природы» во «вторую природу», или культуру, как схема деятельности, «форма вещи вне самой вещи», и переносится на предмет культуры, накладывая на него неизгладимый отпечаток. Мыслить значит уметь «считывать» этот отпечаток, восстанавливать и разворачивать в сознании эти всеобщие формы, почерпнутые в процессе манипулирования предметами культуры. Или, говоря проще, мыслить значит использовать предметы культуры — от ложки и пуговиц на одежде до слов и понятий философии — в соответствии с их предназначением.

Идеальное и классика

Таково понимание идеального у Ильенкова. Из него вырастают и все его педагогические, психологические, эстетические и этические концепции. Ведь идеальное — это пространство, в котором существуют идеалы, прежде всего — истина, добро, красота, без чего невозможны ни наука, ни искусство, ни нравственная деятельность. Ильенков пишет:

Творчество по идеалу, формирование вещества природы на основе идеала представляют собой специфически человеческую форму жизнедеятельности, отличающую ее от деятельности животных. В качестве всеобщей формы целеполагающей деятельности идеал выступает во всех областях общественной жизни — социальной, политической, нравственной, эстетической и т. д.¹³

Единство истины, добра и красоты отличает и подлинную науку, и подлинное искусство, примером которого Ильенков называет «Сикстинскую мадонну». Ее мыслитель противопоставляет

12. Он же. Диалектика идеального. С. 55.

13. Он же. Идеал // Философская энциклопедия. Т. 2. С. 195.

ет авангардистским произведениям, олицетворенным для советского философа абстракционизмом, кубизмом или поп-артом¹⁴. Это, по Ильенкову, — не подлинное искусство; не потому, что на них нет отпечатка таланта — напротив, философ восхищался талантом Пикассо, — а потому, что они не соответствуют самой сути искусства и творчества, хотя по-своему верно отображают уродливую реальность дегуманизирующегося общества капитализма. Подлинным, согласно советскому марксисту, является классическое искусство, конгруэнтное классической философии, «ориентированное на добро и красоту»¹⁵, которое, «в сущности, нравственно, несмотря на то... что оно изображает зло в самых крайних его проявлениях»¹⁶. И это классическое искусство предвосхищает, по Ильенкову, полное раскрытие фантазии у универсальной личности коммунистического будущего.

Разумеется, с трактовкой идеального у Ильенкова можно спорить. В рамках марксизма это сделал старший товарищ Ильенкова Михаил Лифшиц¹⁷. В некоторых поздних работах Алексея Лосева — последнего русского классического философа — можно встретить высказывания, которые я склонен трактовать как намеки на концепцию Ильенкова и своеобразную латентную дискуссию с ней уже с позиций христианского неоплатонизма¹⁸. Критика Лосева тем более интересна, что это взгляд на ильенковскую трактовку идеального сторонника той самой классической традиции, «линии Платона — Плотина — Гегеля», о близости к которой подлинного (а не урезанного, догматического) марксизма писали Ильенков и Лифшиц.

Прежде всего, Лосев признавал, что материалистическая теория объективного идеального возможна:

Одни мыслители рассуждают так. <...> вещи существуют, и их идеи тоже существуют... на первом плане выступают для нас вещи, то есть сама действительность, сама материя. <...> без материи, без действительности, без вещей совершенно не может существовать и никаких идей. <...> Очевидно, говорят нам,

14. Он же. Что там, в Зазеркалье? // Собр. соч. Т. 3. М.: Канон+, 2020. С. 249–273.

15. Там же. С. 256.

16. Там же.

17. Лифшиц М. А. Диалог с Эвальдом Ильенковым (Проблема идеального). М.: Прогресс-Традиция, 2003.

18. Вахитов Р. Р. Идеальное Ильенкова с точки зрения платонизма // Платоновские исследования. 2019. № 2. С. 298–299.

идеи есть отражение вещей, порождение вещей, результат соотношения вещей¹⁹.

Итак, по Лосеву, для представителей не вульгарного, а «умного материализма», признающего существование идеального, идеи суть «результат соотношения вещей». Полагаю, перед нами намек именно на концепцию идеального Маркса и Ильенкова. Ведь в согласии с ней идеальное возникает тогда, когда одну вещь начинают соотносить с другой, так, в знаменитом примере из «Капитала» сюртук обретает стоимость (идеальную по природе своей!), когда его соотносят с холстом, вовлекая в рыночный обмен.

Но при этом сам Лосев был убежден, что идеи существуют не только в рамках культуры, но и вне ее — в мире, бытийствующем до человека и без человека. Идеи суть принципы организации материи вещей. По Лосеву, такова не только позиция платоника, признающего подчинение всех природных вещей и процессов идеальному космическому уму, такова позиция любого глубокого, последовательного, диалектически мыслящего философа, идеалист он или материалист²⁰. Заметим, что здесь Лосев по-своему приходит к тому же утверждению, к которому пришел и Лифшиц в его книге об Ильенкове. Лосев писал:

... то основное, что открыто Платоном под именем идеи, не зависит от того, признаем ли мы небесные и занебесные идеи или не признаем, а сводим их только на роль реально-познавательных и позитивно человеческих принципов познания²¹.

Впрочем, Лосев не был согласен видеть в идеях только лишь «человеческие принципы познания». Философское открытие Платона носило гораздо более широкий и важный характер: «...идеи Платона — это есть в наивной форме данные законы природы и общества. Это есть принцип всего происходящего»²². И Лосев разъясняет мысль Платона, переводя ее на язык современной науки:

Идея вещи... есть закон вещи, закон ее существования, закон ее всевозможных становлений и изменений.... идея вещи есть ее правильно построенная общность... Платоновская идея вещи

19. Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Платон. Аристотель. М.: Молодая гвардия, 1993. С. 76–77.

20. Позиция христианского неоплатоника предполагает еще и существование идей в Божественном уме, о чем здесь говорить неуместно.

21. Там же. С. 83.

22. Там же. С. 86.

есть такое ее обобщение, что в ней как бы заложено все бесконечное множество отдельных и частичных проявлений вещи²³.

В самом деле, существует такой феномен, как гравитация. Вещи, которые, подчиняясь гравитации, стремятся к центру Земли, материальны, их можно увидеть и потрогать. Закон, в согласии с которым вещи приобретают ускорение падения, невещественен, нематериален, его нельзя увидеть и потрогать, его можно лишь понять. Он доступен уму, а не глазам и пальцам, он идеален. И в то же время он объективно существует независимо от того, думаем ли мы о нем и даже открыли ли мы его. Закон гравитации существовал и действовал задолго до того, как Ньютон описал его в своих «Началах».

Если бы закон гравитации существовал лишь в нашем сознании — индивидуальном ли, общественном ли, — то получалось бы, что никакому закону вещи в природе, в объективной действительности, вне наших сознаний не подчиняются. Получалось бы, что нам только кажется, что камни падают на землю с ускорением g , а как все происходит на самом деле, мы знать не можем. Если вне человеческого мира нет ничего идеального, то и познать мы там ничего не можем, ведь мышление познает лишь себе подобное, то есть идеальное, общее, рациональное. И тогда мы попадаем в гавань субъективного идеализма, куда ведет и всякий позитивизм, философия познаваемости лишь явлений, но не сущности.

В этом Лифшиц и упрекал Ильенкова, а именно в том, что признавая идеальное лишь в сознании, пусть и общественном, Ильенков делал уступку субъективному идеализму:

...если идеальное тождественно с сознанием (пусть это будет общественное сознание — все равно), то непонятно, чем это отличается от распространенного взгляда на идеальное, который не без основания отвергает Эвальд Ильенков²⁴.

Взгляд Лифшица — это взгляд классической философии, определенно схожий и со взглядом платонизма (что Лифшиц понимал!): идеальное существует не только в сознании, идеальное — во всем, хотя и не везде оно функционирует, как в мышлении человека.

23. Там же. С. 86–87.

24. Лифшиц М. А. Об идеальном и реальном // Вопросы философии. 1984. № 10. С. 120–145.

Мы еще вернемся к этим аргументам, а пока обратимся к тому, о чем мы хотели порассуждать в самом начале — к историко-культурному контексту и актуальности философии Ильенкова.

Историко-культурный контекст философии Ильенкова: шестидесятиничество

Почему мыслителя так волновали проблемы идеального, мышления, творчества и, главное, почему его размышления об этом приобрели такой резонанс? А ведь дискуссия об идеальном между Ильенковым и Дубровским — казалось бы, отвлеченно-философская — имела такой резонанс, что, по воспоминаниям современников, учащаяся молодежь того времени разделилась на «ильенковцев» и «дубровцев»²⁵.

Молодой Маркс — еще не «марксист», а левый гегельянец — определял философию как «духовную квинтэссенцию своего времени» и «живую душу культуры»²⁶. Он писал:

Философы не вырастают как грибы из земли, они — продукт своего времени, своего народа, самые тонкие, драгоценные и невидимые соки которого концентрируются в философских идеях²⁷.

Так и есть. Каждая эпоха в жизни общества выдвигает важные для нее вопросы, которые беспокоят, заставляют думать и страдать людей этого времени. Эти вопросы отражают внутреннее расколы, проблемы общества, и люди по-своему пытаются их осмыслить, не всегда при помощи философии (есть много других средств, от искусства до политической идеологии и практики) — но настоящая, живая, творческая философия обязательно предлагает свои варианты их трактовки и разрешения.

В полной мере это касается философии Ильенкова. Пришедший в науку в конце 1950-х годов Ильенков — дитя послесталинской эпохи, дитя оттепели с ее освобождением от сталинского догматизма, пробуждением творческих сил, желания заново понять Маркса и Ленина, понять общество «реального социализма», его перспективы, место в истории, достоинства и недостат-

25. История философии. Учебник для высших учебных заведений / Под ред. В. П. Кохановского, В. П. Яковлева. Р. н/Д.: Феникс, 2001.

26. Маркс К., Энгельс Ф. Передовица в № 179 *Kölnische Zeitung* // Соч. 2-е изд. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1955. С. 105.

27. Там же.

ки²⁸. В 1960-е годы в СССР была предпринята попытка возродить «ленинские ценности», ценности «подлинного», «недеформированного» социализма. Несмотря на различный идейный мусор (из некоторых марксистов-шестидесятников позднее закономерно выросли либералы-антисоветчики), в корне своем эта попытка была связана с продолжением классической линии в марксизме, которую описывал и отстаивал Лифшиц. Эту линию он связывал с фигурой Владимира Ленина. В наследии Ленина советский философ выдвигал на первый план борьбу лидера большевиков с релятивизмом и позитивизмом, нашедшую выражение в споре его с Александром Богдановым, а также его критику левого искусства, футуризма и Пролеткульта, апологию классики и художественного реализма. Полемизируя с позитивистом-эмпириокритиком Богдановым, Ленин, по Лифшицу, защищал существование абсолютной Истины в ее гносеологическом измерении, а в своей статье о творчестве Льва Толстого, где мы находим апологию классики и реализма, представил апологию Истины в ее эстетическом аспекте.

В итоге социализм, идеал которого стремились воплотить Ленин и русские большевики, Лифшиц воспринимал как развитие классической культуры, как возрождение «классической традиции в революционном процессе»²⁹. Под классической же традицией философ понимал культуру, созданную «великими консерваторами человечества», такими как Платон, Аристофан, Данте, Гёте, Бальзак, Пушкин. Лифшиц не был в этом одинок; о Ленине как наследнике греческой традиции говорил в доверительных беседах с Владимиром Бибихиным столь далекий от марксистского материализма философ, как Лосев³⁰.

Классика при этом предстает как отражение всеобщего, абсолютного и разумного в самом бытии, «истинная середина, *mesotes*... высшее в своем роде... идеал самого объективного мира... который вполне реален»³¹. Путь к ней лежит через борьбу за уни-

28. Об Ильенкове как шестидесятнике см.: Цветков А. Диалектик Ильенков // Он же. Марксизм как стиль. М.: АСТ, 2016; Майданский А. Д. «Не отомрет, с-собака!»: Ильенков о государстве // Свободная мысль. 2013. № 4. С. 171–182.

29. Арсланов В. Г., Лагурев А. С. Михаил Лифшиц. СПб.: Умозрение, 2021. С. 77.

30. «Ленин ведь тоже только так и думает, что красота и добро одно и тоже. У него тоже греческое понимание» (Бибахин В. В. Алексей Федорович Лосев // Он же. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М.: Институт философии, теологии и истории Св. Фомы, 2006. С. 23).

31. Арсланов В. Г. К читателю этой книги // Лифшиц М. А. Что такое классика? М.: Искусство XXI век, 2004. С. 21.

версальные, общезначимые ценности. Лифшиц доказывал, что в Октябрьской революции и в ленинизме было нравственное начало («своя правда», о которой говорили даже ее противники, такие как эмигрантские «пореволюционники» 1920-х годов, вроде Николая Бердяева). И лучшее в советских 1960-х годах, в эпоху возрождения ленинизма — это попытка преодоления извращений социалистической морали, сталинистского конформизма и официозной лжи, попытка восстановления в правах истины и справедливости, как ее трактовал не только Маркс, но и вообще мировая классика. Однако было и такое, что Лифшиц в шестидесятничестве не принимал; это мы должны учитывать при оценке историко-культурного значения философии Ильенкова. Не случайно Ильенков расходился с некоторыми шестидесятниками, как показывает его критика неомарксизма и маоизма. Ильенков отвергал ту темную, абстрактно-позитивистскую сторону шестидесятничества, из которой потом вырос — как диалектический антипод! — перестроечный и постсоветский неолиберализм.

Эпоха застоя и нравственный релятивизм

Период возрождения ленинизма оказался недолгим. Увы, Ильенков разделит общую трагичную судьбу своего поколения: породившая его оттепель закончилась, не успев толком начаться. Всесоюзную известность Ильенкову принесла его статья «Идеальное», вышедшая в «Философской энциклопедии» в 1962 году. Он тогда находился в начале творческого пути, опубликовав лишь несколько статей и книгу о диалектике в «Капитале» Маркса. Однако до окончания оттепели оставалось всего два года. В 1964 году Хрущев будет лишен должности с формулировкой «за волюнтаризм», к власти придут Брежнев и его команда консерваторов-мягких неосталинистов. Начнется застой, на который придется почти вся творческая жизнь Ильенкова (он умер в 1979 году, не дожив шесть лет до перестройки). Все главные его работы будут созданы на фоне все более и более удушающей атмосферы идеологического и морального разложения страны, вырождения партии, превращения общественной жизни в лицемерный фарс. Все это причиняло настоящие страдания Ильенкову, и все это сыграло свою роль в его безвременном, трагичном уходе из жизни.

«Застой» выглядит не самым удачным названием для этого периода. Правильнее назвать его «эпоха победившего мещанства». 1970-е годы были антитезисом 1960-х. Если главным персонажем 1960-х годов был романтик, бунтарь, идеалист, мечтавший о по-

корении космоса и мировой революции, веривший в коммунизм и прогресс, наконец, в истину и справедливость, то основной, массовый персонаж 1970-х годов — уже совсем другой культурный типаж: мещанин, циник, прагматик. Он уже не верит в идеи коммунизма, в торжество идеала справедливости, хотя лицемерно повторяет партийные лозунги на собраниях. Вся его жизнь посвящена строительству карьеры, подсиживанию и интригам, продвижению вверх — к постам и привилегиям и одновременно — «доставанию дефицита», обустройству комфорта в своей отдельной квартире, статусному потреблению. Он и ему подобные воспроизводили особую теневую культуру (по выражению Виталия Куренного), которая при внешней лояльности практиковала «разные формы отчуждения общества от государства, лояльность каким-то другим ценностям и институтам»³².

Это, кстати, хорошо видно на примере массового кино того времени. На смену молодым увлеченным физикам из «Девяти дней одного года» в 1970-х годах пришли запутавшийся во лжи, слабовольный Бузыкин из «Осеннего марафона» (1979) (в основе сценария — пьеса Александра Володина с показательным названием «Горестная жизнь плута»), а то и малопривлекательные члены гаражно-строительного кооператива «Фауна» из известной комедии Рязанова. Любопытно, что это тоже ученые — правда, биологи, а не физики, как в фильме Ромма, — но какая пропасть между ними! Ученые-шестидесятники рискуют жизнью ради научной истины и интересов строящей коммунизм Родины, ученые из НИИ 1970-х годов самым омерзительным образом переругались друг с другом из-за гаражей для личных автомобилей.

Совсем не случайно на это время приходится и перелом в творчестве братьев Стругацких (которые, кстати, внимательно читали труды Ильенкова³³). Если их ранние повести — «Страна багровых туч», «Путь на Амальтею», «Стажеры», «Полдень. XXII век» — еще полны романтики коммунизма, то после «Трудно быть богом» (1964) начинается новый этап, где все чаще проскальзывают пессимизм, разочарование, очевидно, отражающие изменения в сознании советской интеллигенции и в жизни

32. Куренной В. А. О большевистской культурной революции и теневых формах отчуждения общества от государства // Журнал «Отинофф». 16.07.2021. URL: <https://onff.ru/vitalii-kuriennoi-o-bolshievistskoi-kulturnoi-rievoliutsii-iti-tienievkyh-formakh-otchuzhdeniia-obshchiestva-ot-ghosudarstva>.

33. См. об этом: Цветков А. Указ. соч.

советского общества. Символична в этом плане небольшая повесть «Хищные вещи века», написанная в том же 1964 году, в самом начале правления Брежнева. Она бичует, как полагалось тогда, буржуазное общество потребления, но читателям нетрудно было догадаться, что гнев авторов обращен и к советскому позднему социализму, погрязшему в вещизме, потребительстве, гедонизме.

Впрочем, было бы большим упрощением рисовать эпоху застоя как период простого ниспадения в аморализм. Современный исследователь советской морали Леонид Фишман верно замечает, что в любом здоровом «большом обществе» наличествует «моральная пирамида» из двух уровней. Высший — это этика принципов, требование придерживаться которых «далеко выходит за пределы повседневной жизни, является трансцендентным»³⁴. Это некие всеобщие, универсальные максимы, объясняющие, «как должен поступать человек по отношению к другому члену общества вне зависимости от того, связан ли он с ним какими-то семейными, дружескими, корпоративными или иными узами»³⁵. Низший, второй уровень пирамиды — этика добродетелей, «соответствия человека неким образцам поведения, функциональным для того или иного сообщества»³⁶. Таких этик множество, столько же, сколько малых сообществ в «большом обществе», поэтому такие «добродетели» относительно: для одного сообщества это добродетели, для другого — нет.

В советском обществе роль большой, универсальной морали играла своеобразная гражданская религия коммунизма, восходящая к парадигме Просвещения, да и в определенной степени, как мы выяснили — к классическим максимам справедливости, правды, добра³⁷. До тех пор пока жива была вера в ее ценности, советское общество оставалось более или менее прочным. В 1970-е годы высший уровень советской пирамиды морали отмирает. Формально он присутствует, но фактически мало кто всерьез верит в декларации советской «большой эти-

34. Фишман Л. Эпоха добродетелей. После советской морали. М.: НЛО, 2022. С. 33.

35. Там же. С. 33–34.

36. Там же. С. 34.

37. Интересно, что левой идеологии свойственно как раз утверждение универсальных ценностей, например универсальной справедливости, которая в идеале (допустим, в бесклассовом обществе) распространяется на всех. Для правых идеологий характерны релятивистские, партикуляристские «этики» (справедливость для «своей» расы, народа, сословия).

ки». Это не значит, что советские люди в массе своей стали тогда абсолютно аморальными. У них сохранилась этика малых сообществ, этика добродетелей, но она уже не была фундирована высшим, базовым этажом. Именно такая ситуация была характерна для советского общества эпохи застоя, в котором жил и творил Ильенков.

При этом нельзя забывать, что общество — это цельность, и в этом утверждении — непреходящая правда марксизма. Можно спорить о том, что первично — общественное бытие или сознание (настоящая диалектика позволяет говорить о взаимовлиянии и неразрывности того и другого, о чем много писал Лосев), но очевидно: то, что происходило в области общественной морали и идеологии, так или иначе было связано и с экономикой. А обратившись к ней, мы должны признать, что начиная с 1970-х годов СССР сохранял лишь внешние формы социализма. Внутри него уже возник и разросся теневой капиталистический уклад — подпольные цеха и черный рынок³⁸, близнец теневой культуры, о которой писал Куренной. Марксист бы сказал, что такова экономическая причина лицемерия советских граждан в сфере духовных надстроек, — и думаю, был бы во многом прав. Люди, которые покупают и продают дефицитные вещи из-под полы, вряд ли могут выглядеть искренними при прославлении ценностей социализма на официальных собраниях.

Лифшиц однажды заметил, что рынок и релятивизм теснейшим образом связаны, ведь рынок всё превращает в товар, а товар, как показал Маркс в «Капитале», обязательно предполагает относительную форму стоимости — эквивалент, позволяющий узнать стоимость данного товара. Иначе говоря, в мире, где все продается и покупается, вечных и абсолютных ценностей нет. Есть лишь ценности относительные, этика добродетелей (ведь рынок тоже не может существовать хотя бы без элементарных правил и договоренностей).

В этом причина не только цинизма и потребительства как жизненной философии большинства людей эпохи застоя, но и тех криптопозитивистских трактовок марксизма, с которыми вступил в борьбу Ильенков.

38. О советском черном рынке см.: Кордонский С. Г. Рынки власти. Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 2006. URL: <https://www.hse.ru/data/550/136/1240/Административные%20орынки%20СССР%20и%20России.pdf>.

Историко-культурный смысл философского спора Ильенкова и Дубровского

Если вдуматься, суть позиции Дубровского в споре с Ильенковым — в том, что идеальное субъективно, а значит, субъективны, относительно и идеалы — истина, добро и красота. Отсюда прямо вытекают выводы софистики о том, что есть только мнения, а истины нет, то есть философский, этический и эстетический релятивизм. Спор между ильенковцами и дубровцами — казалось бы, сугубо философский спор! — был отражением противостояния социализма и растущего исподволь капитализма с его позитивистскими и индивидуалистическими тенденциями, противостояния коллективизма и индивидуализма, пробивавшегося сквозь оболочку социалистической культуры. Более того, он был еще и спором между классикой и софистикой в новых их обличьях. И именно поэтому данный спор, вроде бы очень далекий от нужд социальной практики, имел такой широкий резонанс среди интеллигентной молодежи.

Конечно, я говорю только о внутренней логике идей. Я охотно соглашусь с тем, что сам Дубровский был бесконечно далек от таких «грехов», как этический и философский релятивизм. Более того, он прямо декларировал это в своей книге «Обман». Приведу пространную цитату оттуда:

Для оценки правды существует лишь масштаб общечеловеческих ценностей и смыслов, которые имеют, конечно, конкретно-исторический характер. Отсюда вытекает необходимость их интерпретации, допускающей расхождения. Одно дело — абстрактный идеал правды, другое — конкретное установление ее в каждом отдельном случае и к тому же в полном, неурезанном виде. Тут нередко возникают серьезные трудности. Однако они не должны вести к релятивизму и расшатывать веру в возможность установления подлинной правды в ее объективном содержании, не должны подавлять волю к правде — этот важнейший источник жизненной энергии социального существа и, без преувеличения, основу духовности человека³⁹.

Но человек — не логическая машина. Человек — существо сложное и способное себе противоречить, особенно если мысль не завершена и он не понимает, к чему ведет то или иное его утвер-

39. Дубровский Д. И. Обман. Философско-психологический анализ. 2-е изд., доп. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010.

ждение. На мой взгляд, утверждение Дубровского о том, что идеальное субъективно и объективного идеального нет, логически вело к выводу о том, что существуют только мнения, но не истина, и то, что мы называем истиной, — результат явного или неявного соглашения. Отсюда и вытекает субъективизм этики добродетелей. Именно так и должен считать человек общества, в котором возобладали рыночные ценности, все продается и все покупается, высоко ценятся не те люди, у которых есть твердые идеалы и вера в абсолютные ценности, а те, кто умеет приспосабливаться, проталкивать, доставать, объединяясь для этого в малые сообщества. Таким было советское общество застоя, таково и пришедшее вслед за ним современное общество российского периферийного капитализма.

Ильенков это прекрасно понимал и потому писал:

Истина, добро и красота — это лишь три разных способа выражения одного и того же. Одно и то же, выраженное тремя разными способами. Пусть решение это ныне кажется слишком простым, прямолинейным и наивно абстрактным, но другого общего решения нет⁴⁰.

В этом смысле Ильенков — продолжатель дела Сократа и Платона, Аристотеля и Гегеля, Маркса и Ленина, тоже боровшихся с софистикой в самых разных ее обликах — от протагоровского до богдановского. Социализм как общество коллективистского типа создавал такие условия общественного бытия, такие формы взаимоотношений между людьми, такие институты культуры, которые способствовали лучшему пониманию объективности идеального, что открывает свой путь к классике как к *mes-otes* культуры, наиболее адекватному раскрытию бесконечного в конечном.

Однако коллективизм коллективизму рознь. Социалистический коллективизм — это идеология и мораль трудовой, «индустриальной общины» (Павел Кудюкин). Думаю, поэтому для человека социалистического общества идеальное и открывается в своем социальном аспекте, как форма общественного сознания. В то же время классическая культура, созданная великими консерваторами человечества, совсем не случайно возникла в антично-феодальном, аристократическом обществе. Лифшиц шокировал своих современников в 1930-е годы, заявляя, что

40. См.: Ильенков Э. В. Что там, в Зазеркалье? С. 249.

Пушкин стал великим классическим поэтом не вопреки, а благодаря тому, что он был аристократ. Но это вполне логично: аристократия — проявление идеи в ее платоновском понимании на социальном уровне, ведь идея есть не что иное, как общее, родовое, а аристократ тем и специфичен, что ощущает себя не обособленной личностью, а представителем рода. Итак, классическая философия (та самая линия Платона — Плотина — Гегеля, в которой Ильенков видел предшественницу философии Маркса и Ленина) наиболее органична именно для аристократического общества.

Напротив, человек из мира капитализма, где само общество понимается просто как результат договоренности индивидов, где фундаментален именно индивид, субъект, его субъективные интересы и ценности, и идеальное будет понимать как субъективное идеальное.

Актуальность идеального

В начале этой статьи я говорил о том, что новым поколениям приходится заканчивать решать то, что недорешили отцы и деды. Так и есть. Проблема релятивизма, вызванная разрушением верхнего уровня пирамиды морали и определившая духовную атмосферу застоя, не просто никуда не делась, она обострилась до крайности. Неолиберальная контрреволюция 1990-х годов не оставила камня на камне от идеологии СССР, которая выполняла функции универсальной морали. Попытка заменить ее религиозной универсальной моралью не удалась, поскольку подавляющее большинство лишь формально признает отдельные религиозные ритуалы, в обыденной жизни россияне в массе своей остаются практическими атеистами. Что же касается патриотического поворота последних лет, то ценности патриотизма и национализма лишены универсального характера, во всяком случае в том варианте, в котором они фактически неотличимы от коллективного эгоизма.

Лучшие представители философии позднесоветского периода, среди которых был Ильенков, отвечая на этот вызов времени, обосновывали примат универсальных ценностей, искали пути преодоления духовно-нравственного кризиса общества на путях обращения к классике. Думаю, мы должны учиться у них, осмысливать их уроки, пытаться идти в указанном ими направлении. Теперь это еще более насущно и жизненно важно для всего нашего общества, чем в годы, когда они жили и творили.

Библиография

- Арсланов В. Г. К читателю этой книги // Лифшиц М. А. Что такое классика? М.: Искусство XXI век, 2004.
- Арсланов В. Г., Лагурев А. С. Михаил Лифшиц. СПб.: Умозрение, 2021.
- Бибихин В. В. Алексей Федорович Лосев // Он же. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М.: Институт философии, теологии и истории Св. Фомы, 2006.
- Вахитов Р. Р. Идеальное Ильенкова с точки зрения платонизма // Платоновские исследования. 2019. № 2. С. 297–312.
- Вахитов Р. Р. Философия Платона — консервативное Просвещение // Русская Истина. Сайт консервативной политической мысли. 13.05.2023. URL: <https://politconservatism.ru/blogs/filosofiya-platona-konservativnoe-prosveshhenie>.
- Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1: Наука логики. М.: Мысль, 1974.
- Дубровский Д. И. Обман. Философско-психологический анализ. 2-е изд., доп. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010.
- Дубровский Д. И. Психические явления и мозг. М.: Наука, 1971.
- Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М.: Издательство АН СССР, 1960.
- Ильенков Э. В. Диалектика идеального // Он же. Собр. соч. Т. 5. М.: Канон+, 2021.
- Ильенков Э. В. Идеал // Философская энциклопедия / Под ред. Ф. В. Константинова. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1962. С. 195–199.
- Ильенков Э. В. Идеальное // Философская энциклопедия / Под ред. Ф. В. Константинова. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1962. С. 219–227.
- Ильенков Э. В. Что там, в Зеркалье? // Собр. соч. Т. 3. М.: Канон+, 2020. С. 249–273.
- Ильенков Э. В., Коровиков В. И. Тезисы к вопросу о взаимосвязи философии и знаний о природе и обществе в процессе их исторического развития // Русофил. 27.12.2016. URL: <https://russophile.ru/2016/12/27/тезисы-к-вопросу-о-взаимосвязи-филосо/>.
- История философии. Учебник для высших учебных заведений / Под ред. В. П. Кохановского, В. П. Яковлева. Р. н/Д.: Феникс, 2001.
- Кагарлицкий Б. Ю. Загадка советского сфинкса // СССР: жизнь после смерти. М.: ИД ВШЭ, 2012. С. 8–16.
- Кордонский С. Г. Рынки власти. Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 2006. URL: <https://www.hse.ru/data/550/136/1240/Административные%20рынки%20СССР%20и%20России.pdf>.
- Куренной В. А. О большевистской культурной революции и теневых формах отчуждения общества от государства // Журнал «Отинофф». 16.07.2021. URL: <https://onff.ru/vitalii-kuriennoi-o-bolshievistskoi-kulturnoi-rievoliut-sii-i-tienievych-formakh-otchuzhdeniia-obshchestva-ot-ghosudarstva>.
- Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предположенной гармонии // Он же. Соч.: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1983. С. 47–545.
- Лифшиц М. А. Диалог с Эвальдом Ильенковым (Проблема идеального). М.: Прогресс-Традиция, 2003.
- Лифшиц М. А. Об идеальном и реальном // Вопросы философии. 1984. № 10. С. 120–145.

- Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Платон. Аристотель. М.: Молодая гвардия, 1993.
- Майданский А. Д. «Не отомрет, с-собака!»: Ильенков о государстве // Свободная мысль. 2013. № 4. С. 171–182.
- Маркс К., Энгельс Ф. Передовица в № 179 *Kölnische Zeitung* // Соч. 2-е изд. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1955. С. 93–113.
- Сталин И. В. О диалектическом и историческом материализме // Соч.: В 18 т. Т. 14. М.: Писатель, 1997. С. 253–282.
- Фишман Л. Эпоха добродетелей. После советской морали. М.: НЛЮ, 2022.
- Цветков А. Диалектик Ильенков // Он же. Марксизм как стиль. М.: АСТ, 2016.

IDEAL IN THE AGE OF TRIUMPHANT PHILISTINISM. HISTORICAL AND CULTURAL CONTEXT AND THE RELEVANCE OF THE EVALD ILYENKOV'S PHILOSOPHY

RUSTEM VAKHITOV. Ufa University of Science and Technology (UUST); Ufa State Petroleum Technical University (USPTU), Russia, rust_r_vahitov@mail.ru.

Keywords: Evald Ilyenkov; philosophy; Marxism; ideal; Truth; classics; Mikhail Lifshitz; Soviet civilization; “thaw”; “stagnation”; sophistry; philistinism.

The article is dedicated to the philosophy of Evald Ilyenkov, its historical and cultural context and its relevance today. Ilyenkov is known for his original solution to the problem of the ideal within the framework of Marxism. The concept of the ideal is the center of his philosophical teaching, from which he draws pedagogical, psychological, and aesthetic conclusions. In Soviet times, the concept of the ideal by Ilyenkov caused a discussion, in which David Dubrovsky opposed the philosopher and his school, defending the “subjectivity of the ideal.” In our opinion, this dispute reflected the opposition of two value systems in the Soviet civilization, one of which dominated in the era of the “thaw,” the other — in the “era of stagnation.”

The “thaw” was ambivalent, along with elements of liberal Marxism, from which “perestroika” later grew, there was a tradition in it that went through Lenin to classical culture. “Stagnation” marked the victory of philistinism, the ideology of the black market, huckstering, cynicism, disappointment in ideals under the cover of hypocritical recognition of dogmatic officialdom. This correlated with the positivist denial of the universal Truth, the assertion of relativism, “the subjectivity of the ideal.” The long shadow of “stagnation” in the form of value relativism and cynicism also lies on modern, post-Soviet, peripheral capitalist Russian culture, and therefore the Ilyenkov’s philosophy of the ideal does not lose its relevance.

DOI: 10.17323/0869-5377-2024-2-171-191

References

- Arslanov V. G. K chitateliu etoi knigi [To the Reader of This Book]. In: Lifshits M. A. *Chto takoe klassika?* [What Is Classics?], Moscow, Iskustvo XXI vek, 2004.
- Arslanov V. G., Lagurev A. S. *Mikhail Lifshits*, Saint Petersburg, Umozrenie, 2021.
- Bibikhin V. V. Aleksei Fedorovich Losev. *Aleksei Fedorovich Losev. Sergei Sergeevich Averintsev*, Moscow, St. Thomas Institute for Philosophy, Theology and History, 2006.
- Dubrovskiy D. I. *Obman. Filosofsko-psikhologicheskii analiz* [Deception. A Philosophical and Psychological Analysis], 2nd ed., Moscow, Kanon+ ROOI “Reabilitatsiia”, 2010.
- Dubrovskiy D. I. *Psikhicheskie iavleniia i mozg* [Psychic Phenomena and the Brain], Moscow, Nauka, 1971.
- Fishman L. *Epokha dobrodeteli. Posle sovetsoi morali* [The Age of Virtues: After Soviet Morality], Moscow, NLO, 2022.
- Hegel G. V. F. *Entsiklopediia filosofskikh nauk* [Encyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse], vol. 1, Nauka logiki [Wissenschaft der Logik], Moscow, Mysl', 1974.
- Ilyenkov E. V. *Chto tam, v Zazerkal'e?* [What's There, Through the Looking Glass?]. *Sobr. soch.* [Collected Works], vol. 3, Moscow, Kanon+, 2020, pp. 249–273.

- Ilyenkov E. V. *Dialektika abstraktnogo i konkretnogo v "Kapitale" Marksa* [Dialectics of the Abstract & the Concrete in Marx's "Capital"], Moscow, USSR Academy of Sciences, 1960.
- Ilyenkov E. V. *Dialektika ideal'nogo* [Dialectics of the Ideal]. *Sobr. soch.* [Collected Works], vol. 5, Moscow, Kanon+, 2021.
- Ilyenkov E. V. *Ideal. Filosofskaya entsiklopediya* [Philosophical Encyclopedia] (ed. F. V. Konstantinov), vol. 2, Moscow, Soviet encyclopedia, 1962, pp. 195–199.
- Ilyenkov E. V. *Ideal'noe* [The Ideal]. *Filosofskaya entsiklopediya* [Philosophical Encyclopedia] (ed. F. V. Konstantinov), vol. 2, Moscow, Soviet encyclopedia, 1962, pp. 219–227.
- Ilyenkov E. V., Korovikov V. I. *Tezisy k voprosu o vzaimosvyazi filosofii i znaniy o prirode i obshchestve v protsesse ikh istoricheskogo razvitiya* [Theses on the Question of the Interconnection of Philosophy and Knowledge of Nature and Society in the Process of their Historical Development]. *Russophile*, December 27, 2016. Available at: <https://russophile.ru/2016/12/27/тезисы-к-вопросу-о-взаимосвязи-философии-и-знаний-о-природе-и-обществе-в-процессе-их-исторического-развития>.
- Istoriya filosofii. Uchebnik dlya vysshih uchebnykh zavedeniy* [History of Philosophy. Textbook for Higher Education] (ed. V. P. Kokhanovskii, V. P. Iakovlev), Rostov-on-Don, Phoenix, 2001.
- Kagarlitsky B. Yu. *Zagadka sovetskogo sfinksa* [Mystery of the Soviet Sphinx]. *SSSR: zhizn' posle smerti* [USSR: Life After Death], Moscow, HSE Press, 2012, pp. 8–16.
- Kordonsky S. G. *Rynki vlasti. Administrativnye rynki SSSR i Rossii* [Power Markets: Administrative Markets of the USSR and Russia]. Moscow, OGI, 2006. Available at: <https://www.hse.ru/data/550/136/1240/Административные%20рынки%20СССР%20и%20России.pdf>.
- Kurennoy V. A. *O bol'shevistskoi kul'turnoi revoliutsii i tenevykh formakh otchuzhdeniya obshchestva ot gosudarstva* [On the Bolshevik Cultural Revolution and Shadow Forms of Alienation of Society from the State]. *Otinoff Journal*, July 16, 2021. Available at: <https://onff.ru/vitalii-kuriennoi-o-bolshhevistskoi-kulturnoi-revoliutsii-i-tienievnykh-formakh-otchuzhdeniya-obshchestva-ot-gosudarstva>.
- Leibniz G. W. *Novye opyty o chelovecheskom razumenii avtora sistemy predustanovlennoi garmonii* [Nouveaux essais sur l'entendement humain par l'auteur du système de l'harmonie préétablie]. *Soch.: V 4 t.* [Works: In 4 vols], vol. 2, Moscow, Mysl', 1983, pp. 47–545.
- Lifshits M. A. *Dialog s Eval'dom Il'enkovym (Problema ideal'nogo)* [Dialogue with Evald Ilyenkov (Problem of the Ideal)], Moscow, Progress-Traditsiya, 2003.
- Lifshits M. A. *Ob ideal'nom i real'nom* [On the Ideal and the Real]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 1984, no. 10, pp. 120–145.
- Losev A. F., Takho-Godi A. A. *Platon. Aristotel'* [Plato. Aristotle], Moscow, Molodaia gvardiya, 1993.
- Maidansky A. D. "Ne otomret, s-sobaka!": Il'enkov o gosudarstve ["Not going to die, bastard!"] E. V. Ilyenkov About the State]. *Svobodnaya mysl'* [Free Thought], 2013, no. 4, pp. 171–182.
- Marx K., Engels F. *Peredovitsa v № 179 "Kölnische Zeitung"* [Der leitende Artikel in Nr. 179 der "Kölnischen Zeitung"]. *Soch.* [Works], 2nd ed., vol. 1, Moscow, Gospolitizdat, 1955, pp. 93–113.
- Stalin I. V. *O dialekticheskom i istoricheskom materializme* [Dialectical and Historical Materialism]. *Soch.: V 18 t.* [Works: In 18 vols], vol. 14, Moscow, Pisatel', 1997, pp. 253–282.

- Tsvetkov A. Dialektik Il'nikov [Dialectician Ilyenkov]. *Marksizm kak stil'* [Marxism as a Style], Moscow, AST, 2016.
- Vakhitov R. R. Filosofii Platona — konservativnoe Prosveshchenie [Plato's Philosophy — Conservative Enlightenment]. *Russkaia Istina. Sait konservativnoi politicheskoi mysli* [Russian Truth. Site of Conservative Political Thought], May 13, 2023. Available at: <https://politconservatism.ru/blogs/filosofiya-platona-konservativnoe-prosveshchenie>.
- Vakhitov R. R. Ideal'noe Il'nikova s tochki zreniia platonizma [The Ideal in Evald Ilyenkov from the Standpoint of Platonism]. *Platonovskie issledovaniia* [Platonic Investigations], 2019, no. 2, pp. 297–312.